Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej, 57
Warszawa 2022
Article No. 2509

Citation:

Радчук, О. В. (2022). Деривационные механизмы формирования семантики «отсутствия» адъективов в русском языке: лингвокогнитивный аспект. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*, *57*, Article 2509. https://doi.org/10.11649/sfps.2509

Radchuk, O. V. (2022). Derivatsionnye mekhanizmy formirovaniia semantiki "otsutstviia" ad″ektivov v russkom iazyke: Lingvokognitivnyĭ aspekt. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*, *57*, Article 2509. https://doi.org/10.11649/sfps.2509

DOI: 10.11649/sfps.2509

Ольга Вячеславовна Радчук
(Кафедра зарубежной литературы и славянских языков, Харьковский национальный педагогический университет имени Г. С. Сковороды, Харьков)

Деривационные механизмы формирования семантики «отсутствия» адъективов в русском языке: лингвокогнитивный аспект

Семантико-деривационные средства и способы формирования номинаций с семой 'отсутствие' углубляют воззрение на абстрактное представление отсутствия в системе языка и понимание его языковой репрезентации.

Цель настоящей статьи – на материале адъективов показать деривационные механизмы формирования понятия «отсутствие» в русском языке, мотивированные влиянием процесса апперцепции при образовании вторичных номинаций от прототипов *нет* и *без*.

Описание семантики номинаций, репрезентирующих понятие «отсутствие», с помощью приема интерпретации дает возможность получить более полный набор оттенков значений отсутствия, к которым относятся

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 3.0 PL License (creativecommons.org/licenses/by/3.0/pl/), which permits redistribution, commercial and non-commercial, provided that the article is properly cited. © The Author(s) 2022.
Publisher: Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences
[Wydawca: Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk]

значения ‘отрицания’, ‘каритивности’, ‘лишительности’ и ‘необладания’. Укажем, что лексемы с указанной семантической дифференциацией рассматривались в ряде языковедческих работ. Так, например, С. М. Толстая вводит термин *каритивность* и исследует семантическую категорию каритивности. Языковед представляет семантическую модель каритивности в виде гнезд адъективов и их дериватов, которые объединяет общий признак – семантика ‘недостача, отсутствие, нехватка чего-либо’. Семантическая модель не отождествляется с полисемичным словом, но в то же время представлена первичной и вторичными номинациями, возникающими в ходе развития языка (Толстая, 2008, сс. 50–99). Дальнейшее развитие данной идеи наблюдаем в работах О. Д. Суриковой, которая проводит исследование на фольклорном материале. В ряде статей и кандидатской диссертации описываются лексические единицы с префиксами *без-/бес-* в семантико-мотивационном и этнолингвистическом аспектах (Сурикова, 2012, 2014, 2016a, 2016b).

Обзор филологических обращений к категориям отрицания, каритивности, лишительности и необладания свидетельствует о том, что они непосредственно и неразрывно сопряжены с понятием «отсутствие», а их корреляция отражает взаимозависимость частного (семантических категорий) и целого, под которым подразумевается понятие «отсутствие». Семантический объем абстрактного понятия «отсутствие» шире, чем семантический объем указанных категорий: они как составные компоненты имеют общую сему в значении и входят в понятие «отсутствие».

В словарном составе любого языка, в данном случае русского, содержится абстрактная лексика, к которой относятся слова-понятия, не имеющие реального предметного воплощения. Слова, обозначающие лишь процессы, качества, чувства, состояния, зачастую представлены субстантивами и производными от них адъективами с абстрактной семантикой. В системе русского языка наблюдается регулярный процесс образования префиксальным и префиксально-суффиксальным способами адъективов, передающих понятие «отсутствие», которое формируется под воздействием апперцепции с помощью преобразования прототипов *нет* и *без* в репрезентанты с префиксами *не-* и / или *без-/бес-*. По замечанию Е. С. Снитко, «апперцептивные процессы, лежащие в основе создания производных НЕ (номинативных единиц – О. Р.), могут иметь различный характер, что и находит свое проявление в формировании достаточно различающихся по своей языковой технике наименований – конструк-

тивно производных, строящихся на базе сочетания значимых единиц языка, и семантически производных, относящихся к сфере вторичной номинации» (Снитко, 1990, с. 44). Считаем данное положение важным для развития наших идей, поскольку при создании вторичной номинации происходит переход от когнитивного уровня к семантическому, фиксируемому конкретной деривационной моделью.

Необходимо отметить, что вторичные номинации отличаются структурной стабильностью и способностью к гибкой адаптации в лексико-семантическом плане. Это, как нам представляется, связано с когнитивными возможностями человека, обладающего интеллектуальными умениями и навыками. Как указывает языковед-когнитолог Е. В. Рахилина, анализируя идеи и гипотезы когнитивной семантики, «одно из открытий когнитивной психологии состоит в том, что когнитивная деятельность требует сочетания двух принципов: структурной стабильности (structural stability) и гибкой приспособляемости (flexible adaptability). […] Прототипическая организация значения оптимальным образом удовлетворяет этим требованиям, потому что прототип имеет сильный стабильный центр, позволяющий носителям языка легко выделять прототипические значения и отличать их друг от друга, и более аморфную, подверженную изменениям, зависимую (dependent, в терминологии Б. Хокинса [Hawkins, 1988]) периферию» (Рахилина, 2010, с. 365). Мы разделяем данную точку зрения и полагаем, что прототипы *нет* и *без*, участвуя в создании словообразовательного значения производных слов, трансформируют и актуализируют семантику ‘отсутствие’ в новой номинации.

Для словообразовательного подуровня языковой системы характерно выполнение соединительной функции между лексико-семантическим и грамматическим стратумами, поскольку именно на этапе деривации происходят преобразования лексико-семантического плана, подготовленные грамматикой языка.

Несмотря на то, что вопросы семантики и прагматики дериватов с приставками *не-* и *без-*/*бес-* были предметом описания фундаментальных трудов по русскому словообразованию (см., например: Земская, 2004; Лопатин, 2007; Шведова, 1980), они остаются в поле зрения и современных ученых. Укажем, что в славянском языкознании на материале как русского, так и других языков, исследования производных с указанными префиксами проводились в разных аспектах: семантическом (Блошенко, 1999; Кусова, 1997); функциональном (Арутюнова, 1988;

Иорданская, 2011); аксиологическом (Арутюнова, 1988; Журавлев, 1999; Космеда, 1998). Новый взгляд на процессы деривации, ее роли в концептуализации и вербализации представлен в работах польских языковедов (Pstyga, 2010; Waszakowa, 2017). Исследование деривации в когнитивном аспекте позволяет выяснить мыслительные механизмы восприятия окружающего мира, воплощенные в словообразовательных дериватах, и представить их как результат познавательных процессов, что соответствует парадигмам современной лингвистики.

Языковая объективация новых смыслов, фиксирующая понятие «отсутствие», вместе с тем сохраняет внутреннюю форму субстантивов, выступающих в качестве производящей основы (Тихонов, 1985). Внутренняя форма определенным образом соотносится с закрепленным значением и влияет на семантику вторичной номинации. Отличия в структуре производных адъективов, определяемые префиксами *не-* или *без-/бес-*, подчеркивают и коннотативные различия в их содержании. Например, адъективы ***без****властный* и ***не****властный*. Оба слова совпадают в значении ‘отсутствие власти что-либо делать’, но второе обозначает еще и ‘отсутствие склонности повелевать’, что является реализацией диалектического принципа экономии.

Несмотря на то, что вариативные образования имеют общую внутреннюю форму, они не всегда являются абсолютными синонимами, дифференциация значения происходит на уровне деривации, когда слово получает дополнительное словообразовательное значение. Нюансы лексических значений слов, созданных с помощью префиксов *не-* или *без-/бес-*, не всегда позволяют использовать их субституционно. В качестве примера можно привести дериваты ***без****гласный* ‘слишком робкий, не выражающий своего мнения’ и ***не****гласный* ‘не известный другим, не явный, тайный’.

Образование вариативных адъективов от существительного, называющего одну реалию, связано с различным их осмыслением и закреплением на практике коммуникантами, которые отдают приоритет конкретной языковой форме. Социальная апробация вторичных номинаций не всегда жестко детерминирована, она зависит от когнитивной и коммуникативной потребности людей. В процессе когнитивной деятельности происходит только насущная деривация вторичных номинаций и селекция языковых средств, которые, в свою очередь, отражают процессы языковой избыточности и экономии.

Под влиянием психического процесса апперцепции может быть создана одна вторичная номинация или две вторичные номинативные единицы. В первом случае возможен только один дериват, например: ***бес****пощадный* с префиксом *бес-*, а дериват с префиксом *не-* отсутствует в русском языке. Во втором случае существуют производные с двумя различными префиксами, например: ***без****радостный* и ***не****радостный*. Действительно, в одних случаях ассоциативное мышление способствует созданию синонимических рядов, аналогичных структурных образований, в других случаях – оказывается достаточным только одной номинации. В этом наблюдается этнокультурная специфика языковой системы, формируемой ее носителями. Создание, сохранение и трансляция знаний, опыта осуществляется человеком с помощью им же сконструированных лексем и граммем, которые были ему необходимы в коммуникативной и когнитивной практике.

Типологические особенности выбранных для анализа номинативных единиц заключаются в том, что они представляют дериваты, созданные в основной массе по двум словообразовательным моделям (адъектив + префикс *не-* или субстантив с предлогом *без-/бес-* + суффикс *-н-*). В. Г. Варина акцентирует внимание на том, что «в репрезентации апперцептивного образа, который кладется в основу производной НЕ, принимают участие значимые единицы языка – морфемы и лексемы, которые, фиксируя признаки обозначаемого, формируют информативную структуру – особый “синхронный компонент семантики” НЕ» (Варина, 1976, с. 237). Вторичная номинация создается на основе взаимодействия семантики деривационных элементов, которые, соединяясь, вступают в отношения гомоморфизма и предопределяют смысл новообразований.

Уточним, что если основным средством выражения негации в русском языке является частица *не*, которая может входить в структуру слова в качестве префикса, то для обозначения отсутствия наряду с указанной языковой единицей используется и префиксальная морфема *без-/бес-*, способная формировать синонимы к словам с префиксом *не-*. Слова с префиксом *не-* в определенных контекстах могут смягчить или нейтрализовать негацию, которая в дериватах с *без-/бес-* выражена более четко и категорично. Подробнее остановимся на этом при анализе языкового материала.

Для наглядности нами преднамеренно взяты адъективы с прозрачной внутренней формой и мотивированные субстантивами. Материалом для анализа послужили выбранные адъективы с префиксом *без-/бес-*

и *не-* в количестве 100 единиц. Примеры исследовательской картотеки можно разделить на несколько блоков, которые будут описаны ниже: 1 блок: номинативные единицы с идентичным значением образованы от двух прототипов – 34 примера / 34%; 2 блок: дериваты сформированы только от одного прототипа (*нет* или *без*) – 22 примера / 22%; 3 блок: адъективы с различной семантикой созданы от двух прототипов – 28 примеров / 28%; 4 блок: абстрактные номинативные единицы, выраженные адъективами, ассоциативно связаны с деривационной основой – 18 примеров / 18%.

Прототипы *нет* и *без* обладают неограниченным потенциалом в аспекте создания на их основе вторичных номинаций под воздействием апперцепции и актуализации внутренней формы слов. Прочно удерживающимися в языке и речи являются параллельно существующие вторичные образования с идентичным значением. Последствия развития системы абстрактных номинаций отражены в аналогии образования адъективов-синонимов: ***бес****честный* и ***не****честный*, ***бес****полезный* и ***не****полезный*, ***без****успешный* и ***не****успешный*, ***бес****пробудный* и ***не****пробудный*, ***бес****приютный* и ***не****приютный*, ***без****винный* и ***не****винный*, ***без****обидный* и ***не****обидный*, ***без****вредный* и ***не****вредный*, ***бес****счастный* и ***не****счастный*. Различная маркированность семы ‘отсутствие’ не влияет на передаваемый смысл, что проявляется в речевой практике, в ходе которой носители русского языка выбирают в конкретной коммуникативной ситуации необходимый языковой знак.

Вторичные номинации со значением ‘отсутствие чего-либо’ ***бес****честный* и ***не****честный*, ***бес****полезный* и ***не****полезный*, ***без****успешный и* ***не****успешный* идентифицируются как семантически равнозначные, стилистически немаркированные, синтагматически не закрепленные, предполагающие двустороннюю замену в контекстах различных дискурсов. Интегральный семантический признак, соединяющий указанные абстрактные адъективы в пары, закреплен с помощью таких словообразовательных моделей, при которых присоединяется префикс с семантикой ‘отсутствие’. Пара ***бес****приютный* и ***не****приютный* является производной от устаревшего *приютный*, замененного в современном русском языке словом *уютный*. Уточним, что префикс *при-* относится к древним деривационным средствам и сохраняет семантику ‘наличие чего-либо’, то есть *приютный* имеет значение ‘наличие уюта’. Ему противопоставляются оба абстрактных адъектива ***бес****приютный* и ***не****приютный*, поскольку с присоединением префиксов

бес- и *не-* они означают ‘ощущение заброшенности, одиночества’, входят в один синонимический ряд вместе со словами ***без****домный*, ***бес****кровный*, ***бес****призорный*, ***не****прикаянный*, *сирый*, ***бес****пристанищный*, ***бес****притульный*, ***бес****причальный* (Евгеньева, 1970, с. 46), имеющими негативную коннотацию, ассоциативно связанную с понятием «отсутствие». В большинстве случаев, что наглядно экспонируют примеры, слова с префиксом *без-*/*бес-* являются более употребительными, хотя семантика лексем с префиксом *не-* оказывается тождественной.

Адъективы ***бес****приветный* и ***не****приветный* встречаются в толковых словарях редко и не относятся к нормированной лексике литературного русского языка. Слово ***бес****приветный* – устаревшее, а слово ***не****приветный* – разговорное. Оба адъектива образованы от адъектива *приветный* префиксальным способом. Слово *приветный*, как и в предыдущем примере *приютный*, сохраняет семантику ‘наличия’. Адъективы ***бес****приветный* и ***не****приветный* являются синонимами, определяют людей, предметы и явления природы, имеют значение ‘лишенные приветливости, выражающие нерадушие’. Антоним *приветный* мотивирован словом *привет*. В современном русском языке используется адъектив *приветливый*, наделяющий признаками радушия и благожелательности как людей, так предметы и явления: *приветливый продавец*, *приветливый голос*. Данный адъектив составляет только одну антонимическую пару с префиксом *не-*: *приветливый* – ***не****приветливый*, репрезентируя принцип языковой экономии.

Ряд абстрактных адъективов (***без****винный*, ***не****винный*, ***не****виновный*) также претерпел изменения в ходе исторического развития русского языка. Обозначим семантические отличия выделенных абстрактных номинаций: «*Невинный* – не имеющий за собой вины, провинности, не совершивший никакого проступка или преступления. *Невиновный* – обычно употребляется (чаще в краткой форме), когда речь идет о проступке или преступлении, причем в официально-деловой речи имеет терминологический характер» (Евгеньева, 1970, с. 628). Слово ***без****винный*, являющееся абсолютным синонимом к словам ***не****винный* и ***не****виновный*, активно использовалось носителями русского языка в XIX веке, затем вышло из употребления и перестало относиться к активному словарному составу лексической системы русского языка. В разговорном стиле и диалектной речи нередко встречается абстрактный адъектив ***не****виноватый*, имеющий тождественную семантику с описанными адъективами.

Для слова ***не****винный* характерно наличие второго значения ‘не причиняющий неприятностей’, которое предопределяет синоним ***без****обидный*, образованный с помощью конфикса *без-/бес* + *-н-*. Наряду с этими синонимами существует абстрактный адъектив ***не****обидный*, дополняющий парадигму тождественных по семантике слов: ***не****винный*, ***без****обидный*, ***не****обидный*, ***без****вредный*, ***не****вредный* (Евгеньева, 1970, с. 628).

В отличие от предыдущих примеров, синонимическая пара ***бес****частный* и ***не****счастный* образована по иной словообразовательной модели (от субстантива *счастье*). В активном словаре современного русского языка не сохранилось слово ***бес****счастный*, оно заменено иным синонимом с префиксом *не-*: ***не****счастливый*. В современном русском языке сохраняется и воспроизводится в антропонимах, в частности, актуализирован в фамилиях первый адъектив: ***Бес****счастный* и ***Бес****счастных*.

Функционирование в речи и закрепление в лексико-семантической подсистеме языка двух вариантов дериватов однокоренных синонимов с равнозначной семантикой является, на наш взгляд, проявлением языковой избыточности. Указанные абстрактные адъективы имеют одинаковую семасиологическую историю, оказываются ассоциативно и деривационно объединенными в один синонимический ряд, позволяющий двустороннюю субституцию.

Семантико-деривационный типологический подход фиксирует и языковые референты только одного деривата: либо с префиксом *без-/бес-*, либо с префиксом *не-* от соответствующих прототипов *нет* или *без*.

Абстрактные адъективы с префиксами *без-/бес-* или *не-* мотивированы с помощью понятия «отсутствие» и рассматриваются в прямом номинативном значении: ***без****донный* ‘не имеющий дна’, ***без****мерный* ‘не имеющий меры’, ***без****душный* и ***без****жалостный* ‘не имеющий сострадания’, ***бес****толковый* ‘такой, у которого нет толку, нет понимания, нет соображения’, ***бес****цветный* ‘не имеющий цветовой маркированности’, ***бес****совестный* ‘отсутствие чести и совести’, ***не****доступный* ‘не дающий доступа’, ***не****справедливый* ‘не имеющий чувства справедливости’, ***не****благозвучный* ‘отсутствие звуковой гармонии’. Уточним, что в диалектной лексике русского языка существует адъектив ***не****жалостный*, который иногда встречается в художественных текстах с целью создания художественного образа, особенно при описании портрета персонажа.

Синонимический ряд с исконным славянским дериватом ***не****благозвучный* составляет заимствованная лексика: *дисгармоничный*, *дис-*

гармонический, *какофонический*. Можем предположить, что это связано с употреблением данной лексемы в дискурсах, относящихся к музыкальному искусству. Номинативные единицы данной парадигмы являются синонимами и определяются следующим образом: «Лишенный благозвучности, режущий слух неприятным сочетанием звуков. Слово *неблагозвучный* характеризует речь, стихи, музыку, а также звуки, издаваемые животными; отдельные слова являются книжными, характеризуют преимущественно музыку, звуки, причем *дисгармоничный* и *дисгармонический* указывают на отсутствие созвучности, гармонии, *какофонический* подчеркивает крайнюю неблагозвучность, хаотическое нагромождение режущих слух звуков» (Евгеньева, 1970, с. 624). Необходимость создания синонима-деривата с префиксом *без-/бес-* к слову ***не****благозвучный* исчезла в связи с заполнением пустой «ниши» иноязычной лексикой, которая активно используется в межкультурной профессиональной среде. Понятие «отсутствие» передается в приведенных словах *дисгармоничный* и *дисгармонический* с помощью префикса латинского и греческого языков *дис-/диз-*, который обозначает "разделение, отрицание, отсутствие, противопоставление". В слове *какофонический* понятие «отсутствие» проявляется лексико-семантически (от греческого κακός 'плохой, дурной' и φονή 'звук' (Петров, 1989, с. 212), восприятие наличия плохих звуков ассоциативно связано с отсутствием хороших звуков, то есть благозвучных.

Абстрактный адъектив ***бес****толковый* не имеет пары, хотя гипотетически возможно существование слова с префиксом *не-*, в котором так же было бы вербализовано значение 'не берет в толк, не понимает'. Что касается адъектива с префиксом *бес-*, то он является древним и представлен достаточно широко в различных типах дискурсов, начиная с фольклорных текстов (*Кто без долгов, а кто* ***бес****толков. От* ***бес****толкового человека жди* ***бес****толковой речи и* ***бес****толковых распорядков.* ***Бес****толкового учить – только себя трудить. И* ***бес****толков, да памятлив на обещания. И готово, да* ***бес****толково.* ***Бес****толково село, так не почто в него*). Выделенное в лексикографических описаниях слово ***бес****толковый* имеет следующее толкование: «**Бестолковый**, **бестолочный** – в ком или в чем нет толку, смысла, непонятливый, тупой, беспорядливый, опрометчивый; непонятный, бессмысленный, неотчетливый; не обещающий пользы, не достигающий цели» (Даль, 2010, с. 54); «**Бестолковый. 1.** Непонятливый, глупый, несообразительный. *Бестолковый человек*. **2.** Беспорядочный, невразумительный, неразумный. *Бестолковый рассказ*» (Ожегов, 1987,

с. 41). В качестве синонимов выступают слова, половина из которых имеет префиксы *не-* или *без-/бес-*: *суетливый*, *лихорадочный*, ***бес****порядочный*, *хаотичный*, ***бес****системный*, ***не****умелый*, *глупый*, ***бес****смысленный*, ***бес****полезный*, ***без****мозглый*, *идиот*, *тупой*, *пустой*, *несуразный*, ***не****складный*, ***не****сообразительный*, ***не****понятливый*, ***не****догадливый*. В двухтомном *Словаре синонимов русского языка* под редакцией А. П. Евгеньевой отмечаются семантические нюансы доминанты синонимического ряда ***бес****толковый* и входящих в данную парадигму синонимов, делается акцент на том, что «в слове *бестолковый* с большей резкостью дается отрицательная характеристика» (Евгеньева, 1970, с. 65). Обратим внимание на то, что в бесприставочных номинациях сема ‘отсутствие’ содержится в корневой морфеме. Также считаем важным уточнить, что сочетание ***не*** *толковый* используется для усиления отрицания в противительных синтаксических конструкциях: ***не*** *толковый, а* ***бес****толковый ответ*. Противопоставление закреплено и орфографически раздельным написанием частицы *не*. Прототип *без* сохраняется во вторичной номинации полностью, а прототип *нет* – частично, он утрачивает конечный согласный, тем самым ослабляя свое звучание во вторичной номинации и снижая фонетическую и семантическую значимость, которые становятся взаимосвязанными.

Приведенные примеры демонстрируют отсутствие строгой закономерности при деривации с помощью префиксов *не-* и *без-/бес-*. Тот лингвистический факт, что не все адъективы имеют вариантную оппозиционную пару, обусловлен историческим развитием русского языка, влиянием психологических и социокультурных факторов. Избирательное отношение к использованию конкретной лексической единицы является отражением принципа языковой экономии.

Формирование адъективов, обозначающих неотождествленный признак отсутствия, также является результатом вторичной номинации от прототипов *нет* или *без*. Лексико-семантическая маркированность понятия «отсутствие» осуществляется с помощью префиксов *не-* и *без-/бес-*, которые эксплицируют различные значения. Мотивированные одной внутренней формой, дериваты расходятся в семантическом плане. Это связано с тем, что внутренняя форма вторичной номинации, хотя и предсказуема, но в то же время она не может повлиять на дальнейшее развитие семантики слова. Внутренняя форма может предопределить векторное различие смысловых ассоциаций, происходящих под воздействием апперцепции. При этом связь однокорневых слов, относящихся

к производящей основе и деривату, отражает мотивированность внутренней формой расходящихся в семантике вторичных номинаций.

В ходе социальной апробации наметились следующие тенденции закрепления семантики номинаций от прототипов *нет* и *без*: ***без****людный* (*остров*, *север*) обозначает ‘совсем нет людей или очень мало’, ***не****людный* – ‘мало людей’; ***бес****конечный* – ‘не имеющий конца вообще’, ***не****конечный* (*пункт назначения*, *вариант*, *абзац*) – ‘промежуточный, не последний’; ***бес****шумный* имеет значение ‘полное отсутствие шума’, ***не****шумный* – ‘тихий, допускающий тихий шум’; ***без****звучный* передает семантику ‘абсолютно тихий’, ***не****звучный* – ‘тихий звук’; ***без****ымянный* используется в значении ‘не имеющий имени, не известный по имени’, ***не****именной* – ‘не принадлежащий конкретному лицу’ или лингвистический термин ‘не относящийся к грамматике имени’; ***без****действенный* обозначает ‘пассивный, не деятельный’, ***не****действенный* – ‘отсутствие результата или эффекта действия’; ***бес****памятный* фиксирует значение ‘не помнящий’, ***не****памятный* – ‘обыденный’. Различия в семантике адъективов наблюдаются по шкале интенсивности (префикс *без-*/*бес-* ассоциируется с полным, абсолютным отсутствием) или по степени значимости признака (***не****памятный* – то есть обыденный, который не стоит запоминания).

Продуцирование дериватов, коррелирующих с понятием «отсутствие», с разными значениями реализовано путем соединения словообразовательных компонентов таким образом, что префикс передает частицу семантики и предполагает конкретизацию другим компонентом (корневой морфемой). Однако в определенных контекстах различие семантики может сглаживаться, что приводит к контекстуальной синонимии. Например, *вечер* ***бес****шумный* или ***не****шумный*; *улицы* ***без****людные* или ***не****людные*. Морфологическая мотивировка в таких и аналогичных примерах выдвигается на передний план и нейтрализует оттенки значения. Это наблюдаем в контекстах, в которых прилагательные ***бес****шумный* и ***не****шумный* могут образовывать один синонимический ряд с доминантой *тихий*.

Ценными для нас являются наблюдения Ю. А. Шепеля (Шепель, 2012, с. 203), противопоставляющего сильное и слабое отрицание, выраженное соответственно прилагательными с префиксами *без-*/*бес-* и *не-*. Семантические различия адъективов ученый связывает с различиями их словообразовательных моделей и способами словообразования. Анализ семантических отношений производных прилагательных словообразовательных рядов на *не-* / *без-*/*бес-* подкрепляется обращением

к деривационной истории парных дериватов с формально совпадающей мотивирующей основой. Указанные средства выражения негации в нашем исследовании соответствуют средствам выражения понятия «отсутствие».

Установление взаимосвязи и взаимопроникновения лингвосемиологических компонентов вскрывает механизмы мотивированности, устанавливая симбиоз между внутренней формой слова производящей основы и вторичной номинацией, а такая взаимосвязь выступает когнитивной базой мотивированности деривата. Ключевым моментом, однако, оказывается актуализация прототипического элемента значения, ассоциативно и деривационно связанная с прототипами *нет* и *без*, передающими значение понятия «отсутствие».

Представленные особенности семного взаимодействия обусловливают многоплановость ассоциативно связанных слов, вскрывают влияние деривационных процессов на семантические сдвиги, что, в свою очередь, приводит к языковой экономии с одной стороны, и языковой избыточности, с другой стороны.

В процессе кодификации разноплановых дериватов учитывалась тождественность языкового знака: если меняется только один план в структуре знака, в данном случае план выражения, при сохранении второго плана, то знак сохраняет тождественность самому себе. Представленные вторичные номинации с префиксами *не-* и *без-/бес-* возникли на основе апперцепции и сохранили ядро прототипического значения понятия «отсутствие» в разноплановых репрезентантах. Актуализация внутренней формы наблюдается в словах, которые связаны ассоциативно с производящей основой субстантива, внутренней формой которого они мотивированы: ***бес****путный* и ***не****путевый*, ***без****успешный* и ***не****успешный*, ***без****бедный* и ***не****бедный*, ***без****угомонный* и ***не****угомонный*, ***без****ызвестный* и ***не****известный*, ***без****ыскусный* и ***не****искусный*.

Существование в большинстве случаев, наряду с указанными абстрактными номинативными единицами, вариативных адъективов, сохраняющих корневую морфему производящей основы (***бес****цельный*, ***без****результатный*, ***не****результативный*, ***не****спокойный*), свидетельствует о явлении избыточности языковых единиц в лексико-семантической подсистеме русского языка. Это подтверждает то, что, например, вторичные номинации ***без****успешный* и ***не****успешный* употребляются в двух значениях, ассоциативно связанных: ‘не имеющий результата’ и ‘не имеющий успеха’ (Евгеньева, 1970, с. 53). В толковых лексикографических источниках слова

***без**успешный* и ***не**успешный* чаще определяются не с помощью мотивированного слова *успех*, а с помощью наиболее употребляемого – *результат*.

Констатация факта параллельного существования стилистически нейтрального слова ***не**спокойный* со вторичными номинациями ***без**угомонный* и ***не**угомонный*, которые тяготеют к разговорному стилю и имеют экспрессивную коннотацию в значении, является аргументом языковой избыточности. Уточним, что слово ***без**угомонный*, хотя и фиксируется в словарях русского языка (Палатовская, 2006, с. 42), относится к пассивному словарю носителей.

Синонимическая пара ***без**ыскусный* и ***не**искусный* ассоциативно связана с отсутствием мастерства и образована от древнего адъектива *искусный*. В словаре В. И. Даля это слово определяется как: «**Искусный** – искусившийся, испытанный, дошедший до уменья или знанья многим опытом; хитро, мудрено, замысловато сделанный, мастерски сработанный, с уменьем и расчетом устроенный» (Даль, 2010, с. 298). Но дальнейшее развитие семантики вторичных номинаций выявило отличия в указанных словах, зафиксированных в современном толково-словообразовательном словаре Т. Ф. Ефремовой (Ефремова, 2000).

Отметим, что лексические единицы с префиксами *без-*/*бес-* и *не-* могут быть представлены дериватами, не имеющими общего корня с производящей основой субстантива. Вторичными номинациями являются абстрактные адъективы, только ассоциативно связанные с деривационной основой: связь наблюдается на уровне ассоциации, а формально отсутствует. На основе психического процесса апперцепции оказывается возможной субституция, позволяющая образование адъективов с префиксами *без-*/*бес-* и *не-* от субстантивов, учитывая ассоциацию. При этом происходит актуализация прототипов *нет* или *без* в формировании вторичных номинаций.

Необходимо указать, что в ходе анализа языкового материала наметилось различие, относящееся к обозначению признака субъекта (агенса) или объекта (пациенса). Например, ***бес**памятным* является субъект – "субъект, не имеющий памяти", а ***не**памятный* может быть объект – "объект, который не стоит запоминать"; ***без**действенный* – "человек, у которого отсутствует активность, деятельность", а ***не**действенный* – "предмет, который не оказывает действия", ***без**ыскусный* –"человек, не имеющий мастерства", а ***не**искусный* – "предмет, не отличающийся мастерством изготовления". Приведенные адъективы обладают разной валентностью,

синтагматически не являются нейтральными, на их потенции комбинаторики влияет определяемое слово, которое может быть либо агенсом, либо пациенсом. Выделенная специфика характерна для дериватов с префиксами *без-/бес-* и *не-*, имеющих общую основу с репрезентантами *нет* и *без*, но получившими разную семантику, а также для дериватов, ассоциативно связанных с семантикой репрезентантов *нет* и *без*.

Результаты проведенного анализа вторичных абстрактных адъективов, сформированных от прототипов *нет* и *без*, позволяют удостовериться в том, что префиксальные дериваты с префиксами *без-/бес-* и *не-* передают понятие «отсутствие» дифференцированно: во-первых, дериватами с тождественным значением или различной семантикой; во-вторых, только одним возможным дериватом, в-третьих, разноплановыми абстрактными адъективами. В том случае, когда сформированы две вторичные номинации с тождественным значением, имеющие как общий, так и различный план выражения с производящей основой, проявляется языковая избыточность. Образование абстрактных адъективов с различной семантикой или образование только одного деривата коррелирует с принципом языковой экономии. Также мы полагаем, что в словах, образованных от прототипов *нет* и *без*, передача семантики отсутствия у префиксальных адъективов с *без-/бес-* выражается более четко и категорично. Своеобразие сочетаемости, которым отличаются адъективы с префиксами *без-/бес-* и *не-*, сопряжено с определением ими агенса и пациенса.

Диалектические принципы избыточности и экономии являются регуляторами механизмов развития языковой системы, которая стремится к гармонии, упорядочению элементов. Реализация предсказуемой избыточности относится к языковым явлениям, а непредсказуемая связана с речевой практикой носителей языка. В соответствии с этим разграничивается общеязыковая и индивидуально-авторская избыточность.

Таким образом, семантическая специфика, структурные отличия, мотивационные связи с внутренней формой слова, присущие вторичным номинациям, фиксируют и передают этнокультурную информацию. Когнитивный подход к рассмотрению деривационных процессов способствует осмыслению корреляции понятия «отсутствие» с явлениями экономии и избыточности в языковой системе и позволяет уточнить механизмы создания репрезентантов абстрактного понятия «отсутствие». К перспективам представленного исследования относится рассмотре-

ние выделенных адъективов в диахронии и выявление семантических изменений дериватов, формирование вторичной семантики на основе метафоризации.

Библиография

Арутюнова, Н. Д. (1988). *Типы языковых значений: Оценка, событие, факт*. Наука.

Блошенко, Ю. В. (1999). *Функционально-семантическое поле отрицания в современном русском языке* [Doctoral dissertation, Таганрогский государственный педагогический институт]. DisserCat. https://www.dissercat.com/content/funktsionalno-semanticheskoe-pole-otritsaniya-v-sovremennom-russkom-yazyke

Варина, В. Г. (1976). Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц. In В. Н. Ярцева (Ed.), *Принципы и методы семантических исследований* (pp. 233–244). Наука.

Даль, В. И. (2010). *Иллюстрированный толковый словарь русского языка: Современная версия*. Эксмо.

Евгеньева, А. П. (Ed.). (1970). *Словарь синонимов русского языка* (Vol. 1). Наука.

Ефремова, Т. Ф. (2000). *Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный*. Русский язык.

Журавлев, А. Ф. (1999). Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики. In Н. И. Толстой (Ed.), *Славянское и балканское языкознание: Проблемы лексикологии и семантики: Слово в контексте культуры* (pp. 7–33). Индрик.

Земская, Е. А. (2004). *Язык как деятельность: Морфема*, *слово*, *речь*. Языки славянской культуры.

Иорданская, Л. Н. (2011). О составе русских прилагательных с приставкой НЕ-. In *Слово и язык: Сборник статей к восьмидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна* (pp. 237–244). Языки славянских культур.

Космеда, Т. А. (1998). Семантика оценочного слова: Словообразовательный аспект. In M. Blicharski & H. Fontański (Eds.), *Zagadnienia słowotwórstwa i składni w opisie współczesnych języków słowiańskich* (Vol. 2, pp. 32–42). Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.

Кусова, М. Л. (1997). *«Смысл» отрицания в лексической семантике*. Изд-во Урал. гос. пед. института.

Лопатин, В. В. (2007). *Многогранное русское слово: Избранные статьи по русскому языку*. Издательский центр «Азбуковник».

Ожегов, С. И. (1987). *Словарь русского языка: Около 57 000 слов* (Н. Ю. Шведова, Ed.; 19th ed.). Русский язык.

Палатовская, Е. В. (2006). *Современный русский орфографический словарь*. Ранок, Веста.

Петров, Ф. Н. (Ed.). (1989). *Словарь иностранных слов* (18th ed.). Русский язык.

Рахилина, Е. В. (2010). *Когнитивный анализ предметных имен: Семантика и сочетаемость*. Издательский центр «Азбуковник».

Снитко, Е. С. (1990). *Внутренняя форма в процессах номинации (на материале русского языка)* [Summary of post-doctoral dissertation]. Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко.

Сурикова, О. Д. (2012). К изучению семантического своеобразия отсоматической лексики с приставкой *без-* в русской языковой традиции. *Научный диалог*, *2012*(12), 30–62.

Сурикова, О. Д. (2014). О функциях лексических единиц в русском заговорном тексте (на примере конструкций с предлогом и приставкой *без*). *Традиционная культура*, *2014*(3), 157–164.

Сурикова, О. Д. (2016a). *Лексические единицы с приставкой и предлогом БЕЗ в русских народных говорах и фольклоре: Семантико-мотивационный и этнолингвистический аспекты* [Doctoral dissertation, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина]. Academia.edu. https://www.academia.edu/

Сурикова, О. Д. (2016b). О нетривиальной семантике русских слов с приставкой *без-*. *Русский язык в научном освещении*, *2016*(1(31)), 130–157.

Тихонов, А. Н. (1985). *Словообразовательный словарь русского языка: Vol. 1. А–П*. Русский язык.

Толстая, С. М. (2008). *Пространство слова: Лексическая семантика в общеславянской перспективе*. Индрик.

Шведова, Н. Ю. (Ed.). (1980). *Русская грамматика: Vol. 1. Фонетика*, *фонология*, *ударение*, *интонация*, *словообразование*, *морфология*. Наука.

Шепель, Ю. А. (2012). Морфологическая асимметрия и явление изоморфизма при построении словообразовательных рядов. *Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского*, *25*(*64*)(4/2), 198–205.

Pstyga, A. (2010). *Słowotwórcza kategoria negacji: Prefiksalne negatywa rzeczownikowe we współczesnym języku polskim i rosyjskim*. Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.

Waszakowa, K. (2017). *Kognitywno-komunikacyjne aspekty słowotwórstwa: Wybrane zagadnienia opisu derywacji w języku polskim*. Wydział Polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego.

Bibliography (Transliteration)

Arutiunova, N. D. (1988). *Tipy iazykovykh znachenii: Otsenka, sobytie, fakt*. Nauka.

Bloshenko, IU. V. (1999). *Funktsional'no-semanticheskoe pole otritsaniia v sovremennom russkom iazyke* [Doctoral dissertation, Taganrogskiĭ gosudarstvennyĭ pedagogicheskiĭ institut]. DisserCat. https://www.dissercat.com/content/funktsionalno-semanticheskoe-pole-otritsaniya-v-sovremennom-russkom-yazyke

Dal′, V. I. (2010). *Illiustrirovannyĭ tolkovyĭ slovar′ russkogo iazyka: Sovremennaia versiia*. Ėksmo.

Efremova, T. F. (2000). *Novyĭ slovar′ russkogo iazyka: Tolkovo-slovoobrazovatel′nyĭ*. Russkiĭ iazyk.

Evgen′eva, A. P. (Ed.). (1970). *Slovar′ sinonimov russkogo iazyka* (Vol. 1). Nauka.

Iordanskaia, L. N. (2011). O sostave russkikh prilagatel′nykh s pristavkoĭ NE-. In *Slovo i iazyk: Sbornik stateĭ k vos′midesiatiletiiu akademika IU. D. Apresiana* (pp. 237–244). IAzyki slavianskikh kul′tur.

Kosmeda, T. A. (1998). Semantika otsenochnogo slova: Slovoobrazovatel′nyĭ aspekt. In M. Blicharski & H. Fontański (Eds.), *Zagadnienia słowotwórstwa i składni w opisie współczesnych języków słowiańskich* (Vol. 2, pp. 32–42). Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.

Kusova, M. L. (1997). *"Smysl" otritsaniia v leksicheskoĭ semantike*. Izd-vo Ural. gos. ped. instituta.

Lopatin, V. V. (2007). *Mnogogrannoe russkoe slovo: Izbrannye stat′i po russkomu iazyku*. Izdatel′skiĭ tsentr "Azbukovnik".

Ozhegov, S. I. (1987). *Slovar′ russkogo iazyka: Okolo 57 000 slov* (N. IU. Shvedova, Ed.; 19th ed.). Russkiĭ iazyk.

Palatovskaia, E. V. (2006). *Sovremennyĭ russkiĭ orfograficheskiĭ slovar′*. Ranok, Vesta.

Petrov, F. N. (Ed.). (1989). *Slovar′ inostrannykh slov* (18th ed.). Russkiĭ iazyk.

Pstyga, A. (2010). *Słowotwórcza kategoria negacji: Prefiksalne negatywa rzeczownikowe we współczesnym języku polskim i rosyjskim*. Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.

Rakhilina, E. V. (2010). *Kognitivnyĭ analiz predmetnykh imen: Semantika i sochetaemost′*. Izdatel′skiĭ tsentr "Azbukovnik".

Shepel′, IU. A. (2012). Morfologicheskaia asimmetriia i iavlenie izomorfizma pri postroenii slovoobrazovatel′nykh riadov. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional′nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo*, *25*(*64*)(4/2), 198–205.

Shvedova, N. IU. (Ed.). (1980). *Russkaia grammatika: Vol. 1. Fonetika*, *fonologiia*, *udarenie*, *intonatsiia*, *slovoobrazovanie*, *morfologiia*. Nauka.

Snitko, E. S. (1990). *Vnutrenniaia forma v protsessakh nominatsii (na materiale russkogo iazyka)* [Summary of post-doctoral dissertation]. Kievskiĭ natsional′nyĭ universitet imeni Tarasa Shevchenko.

Surikova, O. D. (2012). K izucheniiu semanticheskogo svoeobraziia otsomaticheskoĭ leksiki s pristavkoĭ *bez-* v russkoĭ iazykovoĭ traditsii. *Nauchnyĭ dialog*, *2012*(12), 30–62.

Surikova, O. D. (2014). O funktsiiakh leksicheskikh edinits v russkom zagovornom tekste (na primere konstruktsiĭ s predlogom i pristavkoĭ *bez*). *Traditsionnaia kul′tura*, *2014*(3), 157–164.

Surikova, O. D. (2016a). *Leksicheskie edinitsy s pristavkoĭ i predlogom BEZ v russkikh narodnykh govorakh i fol′klore: Semantiko-motivatsionnyĭ i ėtnolingvisticheskiĭ aspekty* [Doctoral dissertation, Ural′skiĭ federal′nyĭ universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B. N. El′tsina]. Academia.edu. https://www.academia.edu/

Surikova, O. D. (2016b). O netrivial′noĭ semantike russkikh slov s pristavkoĭ *bez-*. *Russkiĭ iazyk v nauchnom osveshchenii*, *2016*(1(31)), 130–157.

Tikhonov, A. N. (1985). *Slovoobrazovatel′nyĭ slovar′ russkogo iazyka*: *Vol. 1. A–P.* Russkiĭ iazyk.

Tolstaia, S. M. (2008). *Prostranstvo slova: Leksicheskaia semantika v obshcheslavianskoĭ perspektive*. Indrik.

Varina, V. G. (1976). Leksicheskaia semantika i vnutrenniaia forma iazykovykh edinits. In V. N. IArtseva (Ed.), *Printsipy i metody semanticheskikh issledovaniĭ* (pp. 233–244). Nauka.

Waszakowa, K. (2017). *Kognitywno-komunikacyjne aspekty słowotwórstwa: Wybrane zagadnienia opisu derywacji w języku polskim*. Wydział Polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego.

Zemskaia, E. A. (2004). *IAzyk kak deiatel'nost': Morfema, slovo, rech'*. IAzyki slavianskoĭ kul'tury.

Zhuravlev, A. F. (1999). Drevneslavianskaia fundamental'naia aksiologiia v zerkale praslavianskoĭ leksiki. In N. I. Tolstoĭ (Ed.), *Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie: Problemy leksikologii i semantiki: Slovo v kontekste kul'tury* (pp. 7–33). Indrik.

Derivation Mechanisms for the Formation of the Semantics of "Absence" in Russian Adjectives: Linguocognitive Aspect

Summary

Taking into account an immanent meaning of the prefix makes it possible to reveal the linguistic mechanism of formation of abstract adjectives that convey the concept of "absence" in the Russian language from a cognitive standpoint. This study of prefix and confix formation of adjectives with the prefixes *bez-*/*bes-* and *ne-* presents general observations on units which are subject to derivation in focus, identifies typical models of transfer of the concept of "absence" by prefix and prefix-suffix derivation in Russian, and proposes a semantic-derivational classification of the main types of adjectives formed on the basis of apperception from the prototypes *net* 'no' and *bez* 'without'. The models selected help to differentiate the representation of the abstract concept of "absence", testify to the relevance and wide range of use of adjectives with the prefixes under scrutiny, and illuststrate ways to reflect the prototypes *net* and *bez* in Russian speakers' mentality. Component analysis of the material enabled certain theoretical generalisations. The study proposes a classification and description of lexical-semantic and derivational explication of the originality of the representation

of the concept of "absence" in the Russian language and identifies universal derivational dominants that form this concept.

The semantic-derivational typology of secondary abstract adjectives formed from the prototypes 'no' and 'without' indicates that prefixal derivatives with the prefixes *bez-/bes-* and *ne-* convey the concept of "absence" in different ways: first, through derivatives with identical meaning or different semantics; second, by only one possible derivative; third, by diverse abstract adjectives.

Mechanizmy derywacyjne tworzenia semantyki „braku" w przymiotnikach w języku rosyjskim: aspekt lingwokognitywny

Streszczenie

Uwzględnienie immanentnego znaczenia przedrostka umożliwia ukazanie językowego mechanizmu formowania przymiotników abstrakcyjnych wyrażających pojęcie „braku" w języku rosyjskim z kognitywnego punktu widzenia. Niniejszy artykuł jest poświęcony derywacji prefiksalnej i prefiksalno-sufiksalnej przymiotników za pomocą przedrostków *bez-/bes-* i *ne-*. Przedstawia ogólną charakterystykę jednostek stanowiących podstawę słowotwórczą w omawianym zakresie, określa typowe modele przenoszenia pojęcia „brak" poprzez derywację prefiksalną i prefiksalno-sufiksalną w języku rosyjskim oraz proponuje semantyczno-derywacyjną klasyfikację głównych typów przymiotników utworzonych na bazie prototypów *net* 'nie' i *bez* 'bez' w wyniku apercepcji. Wybrane modele pomagają zróżnicować reprezentację abstrakcyjnego pojęcia „braku", świadczą o trafności i szerokim zakresie użycia przymiotników z omawianymi przedrostkami oraz pokazują sposoby odzwierciedlenia prototypów *net* i *bez* w mentalności użytkowników języka rosyjskiego. Analiza komponentowa materiału pozwoliła na pewne uogólnienia teoretyczne. W opracowaniu zaproponowano klasyfikację i opis leksykalno-semantycznego i derywacyjnego wyjaśnienia oryginalności reprezentacji pojęcia „braku" w języku rosyjskim oraz zidentyfikowano uniwersalne dominanty derywacyjne tworzące to pojęcie.

Semantyczno-derywacyjna typologia abstrakcyjnych przymiotników pochodnych utworzonych od prototypów *net* i *bez* wskazuje, że derywaty przedrostkowe z przedrostkami *bez-*/*bes-* i *ne-* wyrażają pojęcie „braku" na różne sposoby: po pierwsze, przez derywaty o tym samym znaczeniu lub różnej semantyce; po drugie, przez jedyny możliwy derywat; po trzecie, przez różne przymiotniki abstrakcyjne.

Keywords: cognitive aspect; concept of absence; derivational dominants; secondary nomination; prefixes *bez-*/*bes-* and *ne-*; prefixed adjectives

Słowa kluczowe: aspekt kognitywny; pojęcie braku; dominanty derywacyjne; nominacja pochodna; przedrostki *bez-*/*bes-* i *ne-*; przymiotniki przedrostkowe

Ol'ga Vyacheslavovna Radchuk, Department of Foreign Literature and Slavic Languages, H. S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University, Kharkiv, Ukraine
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0343-6796
Correspondence: radchuk.o.v@ukr.net

The preparation of this article was self-financed by the author.

Competing interests: The author has declared that she has no competing interests.

Publication history: Received: 2021-02-11; Accepted: 2022-03-01; Published: 2022-07-31